

Пьянкова Л.Т.

СТЕПНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В КОМПЛЕКСАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮГО-ЗАПАДНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Pjankova L.T. The stepped components in the complexes of Bronze Age in Southern-Western Tajikistan.

The original syncretic complexes in economy of which the cattle-breeding played the leading part and arose as results of active contacts of the settled-agricultural and stepped tribes on Bronze Epoch on territory of Southern-Western Tajikistan. Perhaps, the tribes of Bronze Age assimilated with population of neolithic culture of Hissar which lived here before. It was also neglected on forming of economic structure and some traits of material culture of forming ethnos on this region on Late Bronze Age.

The building techniques and types of dwellings found on settlements of Bronze Age of Southern-Western Tajikistan are not characteristics to settled-agricultural monuments of Ancient Bactria. They testify more about influence of steppe traditions and, perhaps, about local neolithic culture.

The complexity of passing here ethnoculture processes is visually reflected on variety of funeral ceremonies.

The gradual attenuation of ceramic traditions of steppe tribes and the predominance of methods of pottery of agricultural centres can be observed in material culture. However, this process was accompanied by considerable stirring up of manual method of making of dishes. On the contrary, the increase of role of steppe hearths is noted in metallurgical production. It is revealed not only in implements and adornments as well.

Multicomponent of complexes of Bronze Age of Southern-Western Tajikistan give the possibility of correlation of Dating with materials from different culture and neighboring regions.

Являясь частью древней Бактрии, юго-запад современного Таджикистана именно с ней был наиболее связан в своём культурно-историческом развитии. Однако, как свидетельствуют имеющиеся на сегодняшний день археологические данные, широкое освоение этой территории племенами бронзового века произошло позже, чем других древнебактрийских регионов. Возможно, в значительной степени это объясняется отсутствием здесь традиционных условий для формирования ирригационных оазисов, основанных на использовании водотоков затухающих речных пойм, ручьев и саев. Юго-западный Таджикистан расчленён долинами многоводных правых притоков Пянджа – Амударьи с впадающими в них реками, а также простирающимися параллельно речным руслам невысокими горными хребтами и кряжами. На крайнем юге, где горные хребты затухают, а речные долины достигают максимальной ширины, климатические условия характеризуются наиболее высокой среднегодовой температурой и малым количеством осадков. Земледелие без искусственного орошения здесь невозможно, но, хотя в соседнем регионе, на северо-востоке Афганистана, обнаружен относящийся к бронзовому веку, технически сложный канал, выведенный из Кокчи (Gentile 1978: 72–75, 99–101), на юге

Таджикистана сооружение ирригационных систем, связанных с крупными реками, отмечено лишь для последующих исторических эпох (Зеймаль 1969: 8–16). Предгорья более северной части региона, наклонно спускающиеся к узким речным долинам и имеющие приподнятый и сильно расчленённый глубокими оврагами и промоинами рельеф, являются зоной обеспеченной и хорошо обеспеченной осадками богары и высокопродуктивного богарного земледелия. Юго-Западный Таджикистан является регионом, изобилующим богатыми пастбищами. Здесь имеются возможности для выпаса крупного и мелкого рогатого скота и круглогодичного содержания стад.

В комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана присутствуют, составляя важнейший компонент, материалы, наиболее характерные для молалинской и бустанской фаз культуры Сапалли, постхарраппской фазы Шортугая, а также некоторых могильников Северо-Западного Афганистана, в особенности Дашлы 17 и 19.

Освоение древнебактрийскими племенами территории юго-запада Таджикистана по времени совпало с наиболее мощной волной продвижения степных племен в оседлоземледельческие оазисы юга Средней Азии. Постепенная

инфильтрация пришлого населения в местную среду и ассимиляция разнокультурных элементов привели к появлению новых черт в традиционной культуре древнебактрийских племен (например, Аскарлов 1987; Аванесова 1995), а также к формированию некоторых комплексов синкретического характера, как это имело место на юго-западе Таджикистана. Можно полагать, что появление степных племен вызвало активизацию скотоводческой отрасли в хозяйстве древнебактрийского населения и дальнейшее развитие подвижных форм скотоводства, в частности отгонно-пастбищного, для чего на территории Юго-Западного Таджикистана имеются соответствующие благоприятные условия. Соотношение компонентов земледельческих и степных культур в археологических комплексах эпохи бронзы этого региона различно.

На современном уровне исследований также выдвинута гипотеза о доживании гиссарской неолитической культуры лёссовых предгорий Южного Таджикистана вплоть до прихода сюда племен позднебронзового века (Ранов 1982: 20–21; 1988: 42). Характер хозяйства гиссарцев дискутируется, однако, согласно одной из концепций (Коробкова 1973: 209–210; 1987:

117–118), основную роль в нём играло скотоводство, вероятно, отгонного типа, основанное на разведении овец и коз. Ассимиляция гиссарских племён пришедшими на их территорию племенами эпохи бронзы также могла найти отражение в формировании экономического уклада и некоторых черт материальной культуры этноса, складывающегося в это время в древней Бактрии.

Расположение памятников эпохи бронзы на территории Юго-Западного Таджикистана и общий облик их культуры позволяют утверждать, что скотоводство было ведущей отраслью экономики большей части обитавших здесь племен. Могильники таких племен наиболее компактно расположены на крайнем юге региона. Однотипные комплексы объединены в бешкентскую (Мандельштам 1968) и вахшскую (Литвинский 1964: 158, Пьянкова 1989) культуры. К бешкентской культуре отнесена часть погребений могильника Ранний Тулхар в низовьях Кафирнигана (рис. 1, 16). Что касается вахшской культуры, то сейчас накоплено большое количество данных о ее широком территориальном распространении на юге Таджикистана, по сравнению с первоначально известными в низовьях

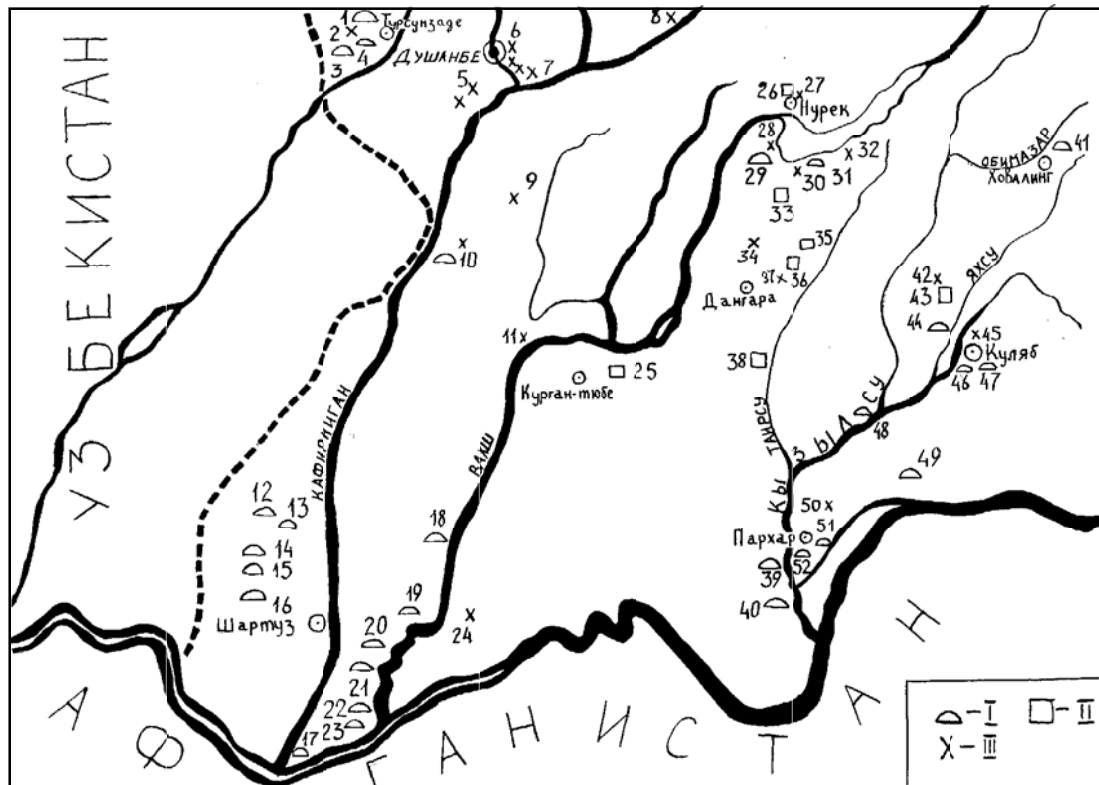

Рис. 1. Схематическая карта памятников эпохи бронзы Юго-Западного Таджикистана. Условные обозначения: I — могильники, II — поселения, III — единичные погребения и случайные находки. Основные памятники: 1 — Кумсай, 3 — Заркамар; 4 — Тандырайул; 10 — Исанбай; 12 — Бешкент II; 13 — Ранний Аруктау; 14 — Бешкент I; 15 — Бешкент III; 16 — Ранний Тулхар, 17 — Кызлар-кала, 18 — Вахш 1, 19 — Тигровая Балка; 20 — Ойкуль; 21 — Джаркуль; 22 — Амударьинский могильник; 23 и 39 — безымянные могильники вахшской культуры; 25 — стоянка степной бронзы; 26 — Дахана; 29 и 31 — Нурекские могильники; 33 — Тегузак; 35 — Баракикурук; 36 — Канеурттут; 38 — Ташгузор; 40 — Маконимор; 41 — Туюн; 43 — Каримберды; 44 — Гелот; 46 — Мохали Сино; 47 — Ходжа Гоиб; 48 — Гулистон; 49 — Обкух; 51 — безымянный могильник; 52 — Иттифок.

ях Вахша и Кызылсу (рис. 1, 18–21, 40), а также в Бешкентской долине низовий Кафирнигана (рис. 1, 14, 16) памятниками. Новые могильники вахшской культуры открыты на левобережье среднего течения р. Кафирниган (рис. 1, 10), на правобережье Вахша, вблизи его слияний с Пянджем (рис. 1, 22, 23), в долине Кызылсу (рис. 1, 39, 48, 52), в бассейне Яхсу (рис. 1, 44–47), в междуречье Пянджа и Кызылсу (рис. 1, 49).

Природные условия низовий Кафирнигана, Вахша и Кызылсу наиболее благоприятны для выпаса овец и коз, части туш которых часто сопровождали погребения в качестве заупокойной или жертвенной пищи. Количественный состав древних стад нам не известен. В настоящее время крайний юг Таджикистана используется преимущественно для зимнего содержания мелкого рогатого скота. Здесь есть возможности и для круглогодичного содержания стад. Однако эти возможности сильно ограничены в жаркие летние месяцы, когда скот перегоняют в предгорья и горы, охватывающие Юго-Западный Таджикистан с севера и востока (Гафаров, Рахманов 1968). Возможно, в каких-то масштабах такой перегон осуществлялся и древними скотоводами, о чём могут свидетельствовать, например, единичные погребения вахшской культуры, обнаруженные в разных пунктах Юго-Западного Таджикистана, расположенных на современных путях перегона мелкого рогатого скота с одних пастбищ на другие (рис. 1, 5, 6, 9, 37, 42). Для летней перекочевки было возможным и противоположное направление — на юг, в предгорья и горы современного Северного Афганистана, однако, несмотря на наличие значительного количества бродов через Пяндж, особенно ранней весной и поздней осенью, переправа через реку, конечно, была сопряжена с большими трудностями. Можно предположить и наличие у скотоводов небольших полей на легко обрабатываемых лессовых почвах предгорий. Например, единственное известное к настоящему времени поселение вахшской культуры Ташгузор на среднем течении Таирсу (рис. 1, 38) расположено в местности, где возможно богарное земледелие. Osteологический материал, найденный на поселении, содержит кости мелкого и крупного рогатого скота, а также некоторых диких животных, являвшихся предметом охоты.

1. Поселения и жилища

Типы поселений и приемы строительства жилищ, характерные для рассматриваемого региона в эпоху бронзы, уникальны для древней Бактрии.

Строительные остатки большинства открытых к настоящему времени поселений (Кангуртут, Тегузак, Дахана, Каримберды, Бараки-курк) представлены каменными кладками, имеющими вид фундаментов стен. Все эти поселения расположены на лёссовых склонах предго-

ривающих Юго-Западный Таджикистан с севера и востока, вели комплексное хозяйство, включающее богарное земледелие, но также при значительной роли скотоводства. Osteологический материал, найденный на поселениях, представлен костями мелкого и крупного рогатого скота, лошади, осла и собаки. На всех поселениях найдены зернотёрки, а в одном случае — отпечаток зерна ячменя. В Гиссарской долине открыты три могильника эпохи бронзы (рис. 1, 1, 3, 4); ранее здесь существовало и поселение, уничтоженное при выравнивании хлопкового поля (Антонова, Виноградова 1979: 94). В предгорьях северо-восточной части региона наибольшее количество памятников сосредоточено в междуречье Вахша и верхнего течения Таирсу (рис. 1, 26, 29, 31, 33, 35, 36). Они по времени синхронны комплексам Молали и, в большей степени, Бустан культуры Сапалли. Более позднее поселение, времени Кучук Iб–II, расположено в междуречье Кызылсу и Яхсу.

Памятники степной бронзы в наиболее чистом виде представлены стоянкой на среднем течении Вахша (рис. 1, 25) и могильником Туюн в предгорьях левобережья р. Обимазар, притока Кызылсу (рис. 1, 41)¹. Одно погребение с сосудом степной бронзы вскрыто на территории античного могильника Ксиров вблизи Дангары (рис. 1, 34). Кроме того, в разных местах найдена керамика степной бронзы (рис. 1, 2, 24, 28, 30, 32). В двух случаях (рис. 1, 11, 50) сосуд степной бронзы найден вместе с керамикой вахшской культуры.

Почти все могильники Бешкентской долины (рис. 1, 12, 13, 15, 16) характеризуются значительным влиянием степных погребальных обрядов.

Другие пункты (рис. 1, 7, 8, 17, 27, 51) представлены единичными погребениями и случайными находками металлических предметов, среди которых есть и изделия степных типов.

Все наиболее полно раскопанные памятники, как и коллекция случайных находок, разнокомпонентны, однако, объём статьи не позволяет сделать их полное описание, поэтому их характеристика будет дана в самом общем виде, с более детальным представлением степных компонентов.

рий, поэтому перед закладкой фундаментов поверхность склона выравнивалась, в результате чего получался более или менее глубокий котлован с разновысокими стенами, плоская площадка которого в наиболее пониженной части выклинивалась на поверхность склона. Наиболее глубокий котлован прослежен в Кангуртуте, где его самая высокая задняя стена дос-

¹ Раскопки этого могильника только начаты Н.М. Виноградовой, и материал пока не опубликован.

тигала высоты более 2 м, а обычно эта величина была в пределах 30–60 см. Фундаменты по отношению к площадке выкладывались по-разному: 1) на её поверхности; 2) с заглиблением в материк; 3) по наружному краю котлована, и тогда основание фундамента возвышалось над полом площадки (и постройки) соответственно рельефу склона.

При выполненном объеме работ можно утверждать, что сырцовый кирпич, характерный для оседлоземледельческих памятников Бактрии, здесь при устройстве жилищ не использовался, фундаменты скорее всего надстраивались пахсой плохого качества, которая со временем была целиком размыта и выветрена.

На поселениях также вскрыты фундаменты из камней, вкопанных в грунт ребром. По-видимому, они укрепляли основание каких-то построек лёгкого типа, например, из прутьев, веток или прямых толстых стеблей растения ферула, что и сейчас практикуется жителями близлежащих кишлаков для устройства заборов и загонов для скота. На Тегузаке вскрыты остатки округлой в плане постройки, обложенной по основанию кучками камней в виде прерывистой цепочки, при этом некоторые камни также вкопаны в грунт ребром (рис. 2, В).

Полы в помещениях были грунтовыми или засыпанными слоем гравия (мелкого окатанного галечника) толщиной в 15–35 см (рис. 2, Б, пом. IV и V), иногда гравий подстилался снизу крупными камнями, аналогичными камням фундамента, а в некоторых случаях (рис. 2, В) на полах были выкладки из колотого галечника.

Постройки были жилыми, хозяйственными и культовыми. Наиболее крупный жилой комплекс, состоящий из большого прямоугольного (18 Ч 6,7 м) дома и примыкающего к нему двора, вскрыт в Кангурттуте в упомянутом выше глубоком котловане-врезке (Виноградова, Кузьмина 1986: рис. 7).

В целом прямоугольная (14 Ч 8 м), но открытая на запад и юг постройка раскопана и в Тегузаке (рис. 2, А). Большую её часть занимало кострище толщиной в 20–30 см, состоявшее из

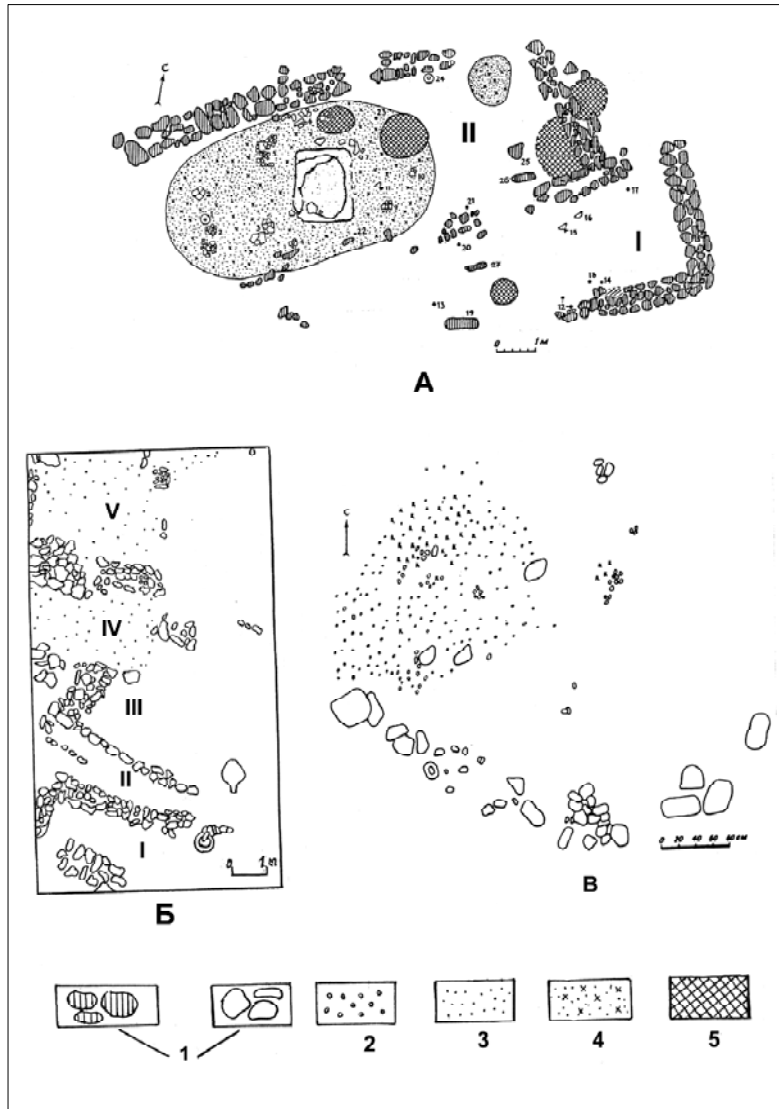

Рис. 2. Поселения. Планы построек: А, В — Тегузак; Б — Дахана. Условные обозначения: 1 — камни, 2 — выкладка из колотых галек, 3 — гравий, 4 — кострище, 5 — ямы.

прокалённой земли, золы и углистых вкраплений. Судя по характеру остатков, здесь сжигали сухую траву или солому и мелкие ветки. Этот слой на всём протяжении чрезвычайно насыщен фрагментами керамики, из которых в большинстве случаев собираются целые сосуды. Таких сосудов здесь обнаружено 9. Представлена керамика, выполненная как в оседлоземледельческих, так и в степных традициях. Почти в центре площадки расчищен плотный, жжёный спекшийся грунт густо-оранжевого цвета, над которым воздвигнуто прямоугольное сооружение (1,9 Ч 1,5 м) высотой в 55 см, по внешнему виду напоминающее алтарь. Его поверхность со всех сторон обмазана глиной и подвергалась неоднократному ремонту. Ориентация «алтаря» (север–юг) не совпадает с общей направленностью горелого пятна. Культовый характер комплекса

не вызывает сомнений. Здесь была совершена ритуальная церемония возжигания огня, в который были брошены целые сосуды, возможно, содержавшие жертвенную пищу или питье, а спекшийся грунт в центре кострища, вероятно, позволяет говорить о свершении здесь какого-то возлияния (масла?). По-видимому, этот комплекс можно интерпретировать как святилище.

Широкое использование камня — характерная черта сельского домостроения таджиков предгорных и горных районов, где такой материал имеется в изобилии, и природный фактор, безусловно, сыграл значительную роль в формировании в этом регионе строительных традиций, возникших здесь в эпоху бронзы, а, возможно, и неолита (Ранов 1985: 20; 1988: 43) и существующих вплоть до наших дней.

Однако для бактрийских земледельцев, культурные традиции которых в отдельных категориях материалов рассматриваемых поселений, в частности керамическом производстве, решительно преобладают, не были характерны не только строительные приёмы, но и планировка жилищ, вскрытых в предгорной

зоне Юго-Западного Таджикистана. Напротив, каменные конструкции играли ведущую роль в строительном деле некоторых племён степной зоны, в особенности в безлесных районах Западного и Центрального Казахстана, где архитектура из камня достигла уровня подлинного искусства (Маргулан 1979: 299–306). Конечно, строительные приёмы, прослеженные на предгорных поселениях Юго-Западного Таджикистана, значительно более просты и примитивны, однако, в генетическом отношении большой пучок культурных связей степных племён, пришедших в Бактрию (керамика, металл) восходит именно к культурам Казахстана. Большое жилище Кангурттута с использованием каменной кладки Е.Е. Кузьмина считает элементом андроновской культурной общности (Виноградова, Кузьмина 1986: 147). В Центральном Казахстане известны и языческие святилища, ранними формами которых были большие открытые костры и сложенные из камня очаги (Маргулан 1979: 189–192). Округлая постройка лёгкого типа на Тегузаке (рис. 2, В) также имеет аналогии в степных культурах, где

подобные, слегка заглублённые жилища с вкопанными по периметру и в центре кольями или на лёгких опорных столбах и с песчаной обвалкой рассматриваются как прообраз юрты (Итина 1977: 105–106, 208; Кузьмина, Лившиц 1987). Не исключено, что, за некоторыми исключениями, остатками построек лёгкого типа были и «жертвенные круги» в Бешкентской долине (Литвинский, Зеймаль, Медведская 1977: 77, 86–87, 90–92). Они расположены либо возле могильников (Бешкент I и II), либо вообще вне связи с ними, как, например, Бешкент III.

К сказанному можно добавить, что с использованием камня были хорошо знакомы и носители гиссарской культуры, важным структурным элементом строительных конструкций которых являлись каменные выкладки. Последние на поселениях эпохи бронзы в этом регионе открыты не только на полах помещений, но и на незастроенных участках.

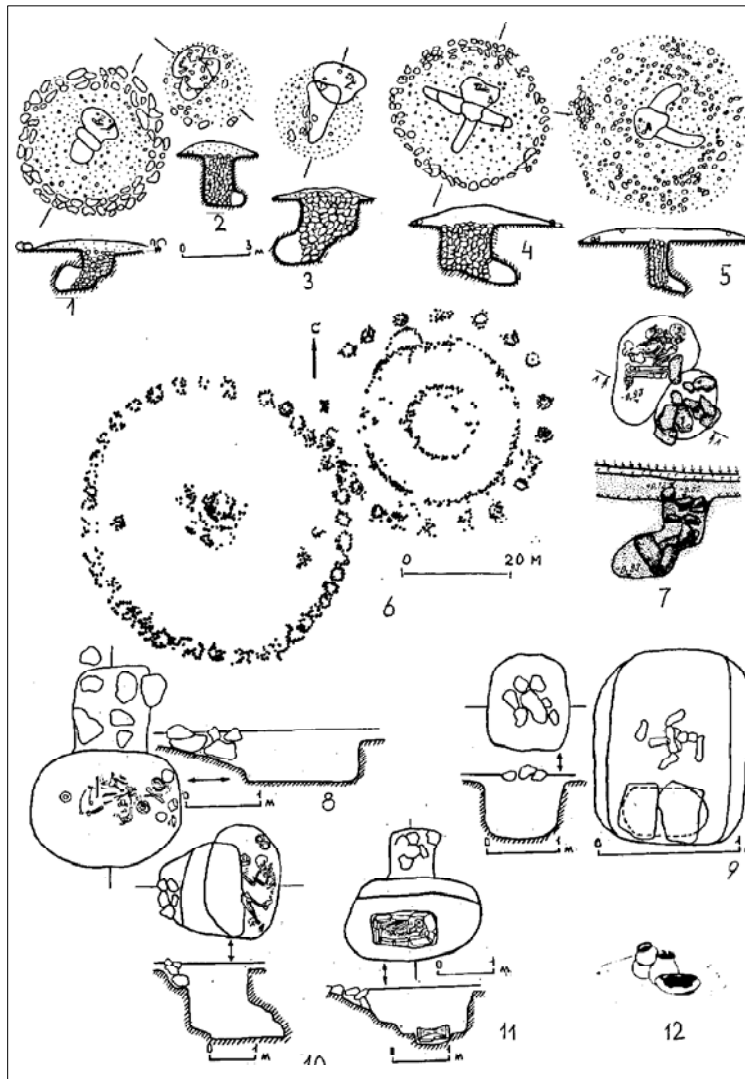

Рис. 3. Погребальные сооружения. Планы и разрезы: 1–6 — Тигровая Балка; 7 — Кумсай; 8–11 — Ранний Тулгар; 12 — Нурекский могильник.

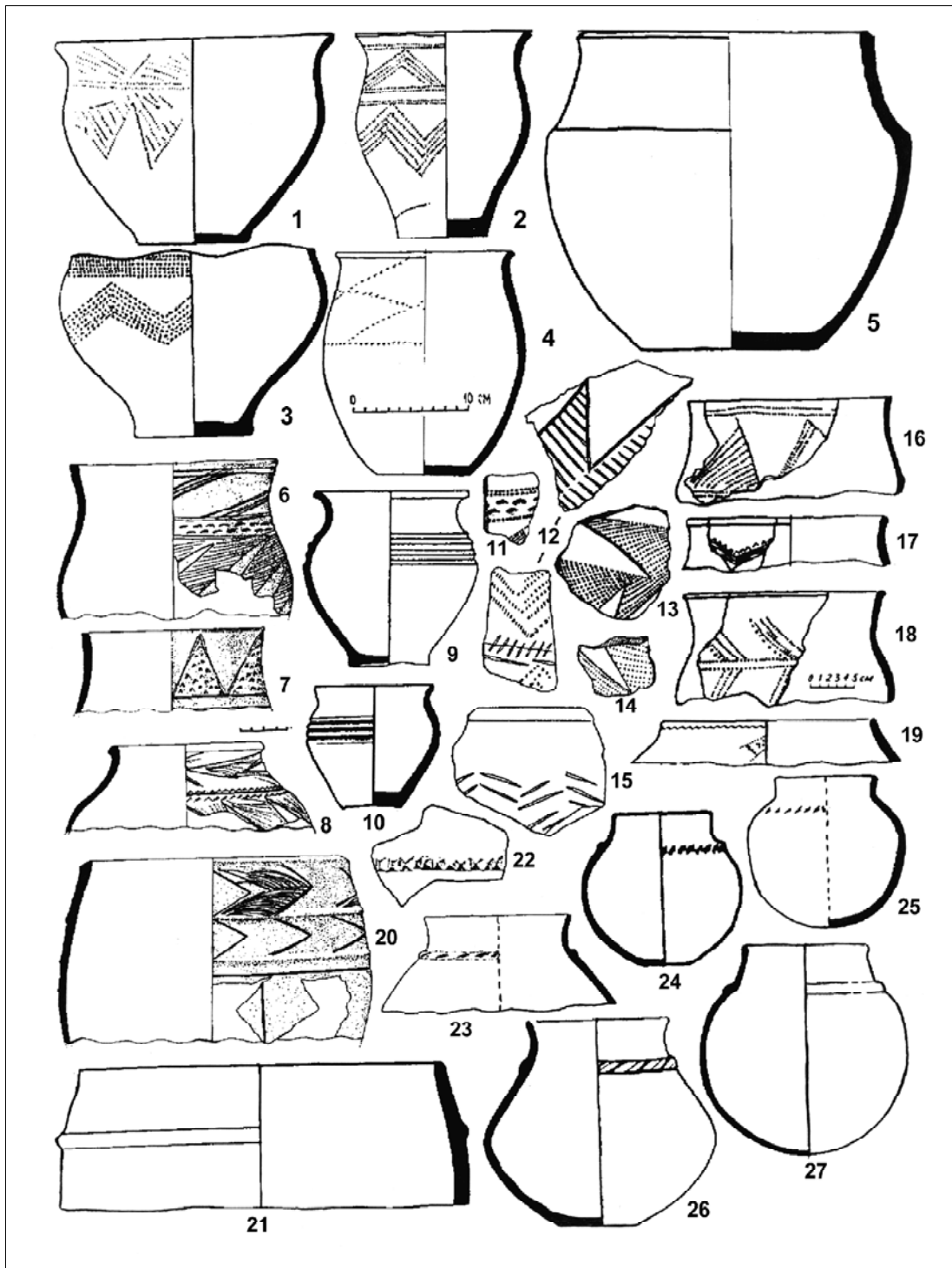

Рис. 4. Керамика: 1–3, 10 — Кумсай; 4 — Ксиров; 5, 16–19 — Теузак; 6–8, 11, 13, 14, 20 — стоянка степной бронзы на Вахше; 9 — Тандырыул; 12, 15 — Канурттут; 21 — Ташгузор; 22 — Каримберды; 23–26 — Тигровая Балка; 27 — Ойкуль. Масштабы разные.

На поселении вахшской культуры Ташгузор раскопаны остатки двух полуземлянок: одна из них имела столбовую конструкцию (материалы сданы в печать), а строительные остатки на стоянке степной бронзы на Вахше представлены лишь очагами, в большинстве случаев имеющими вид каменного кольца (Литвинский, Соловь-

ев 1972). Полуземлянка — один из наиболее распространённых типов жилища степных племён. Возможно, полуземлянки существовали и у гиссарцев (Ранов 1985: 19). Очаги являются менее выразительной конструкцией для сравнений, но камни при их устройстве использовались и степными, и гиссарскими племенами.

2. Могильники и погребальные обряды

Наиболее распространённым типом погребальных сооружений у племён, обитавших на юго-западе Таджикистана в эпоху бронзы, были могилы подбойно-катакомбного устройства. Такие сооружения известны во многих регионах Евразии как у земледельческих, так и у степных племён. Что касается Южного Таджикистана, то здесь для этого типа могил (катакомбы известны и у бактрийских земледельцев) влияние степных погребальных обрядов наиболее прослеживается в наземных конструкциях — насыпях, в большинстве случаев с каменными оградками-кольцами у основания, по склону, а иногда и за пределами насыпи. Такие надмогильные сооружения характерны почти для всех погребальных сооружений вахшской культуры (рис. 3, 1–6). Глубокие входные ямы этих сооружений плотно забиты крупными камнями. Некоторые из входных ям имеют уникальную форму, например, Т-образного креста или дуги (рис. 3, 4, 5), которые, возможно, символизируют небесные светила. В 25% могил вахшской культуры засвидетельствован культ огня в виде небольших костров, углей, очажков. Курганы вождей или жрецов (рис. 3, 6) окружены кольцами диаметром 40 и 50 м, состоящими из небольших насыпей, под которыми погребены ритуальные очаги со следами жертвоприношений в виде частей туш мелкого рогатого скота и возлияний (масла?). Как можно заметить, этот обряд в значительной степени сходен с тем, который был прослежен в святилище Тегузака. Для последующих эпох близкие смысловые параллели для обряда погребения вахшских вождей можно видеть при свершении захоронений в величественных сакских усыпальницах.

Наиболее разнообразные погребальные обряды прослеживаются на территории небольшой Бешкентской долины в низовьях Кафирнигана (Мандельштам 1968, Литвинский, Зеймаль, Медведская 1977). Погребальные сооружения самой бешкентской культуры в могильнике Ранний Тулхар в виде ямы со спуском являются вариантом одного из типов могил культуры Сапалли — ям со ступенчатым спуском. Такие ямы известны на всех этапах могильника Джаркутан. Разница лишь в том, что спуск в Раннем Тулхаре — наклонный и на нём лежат камни (рис. 3, 8), тогда как на ступеньки в могилах земледельцев Джаркутана положены кирпичи (например, Аскарлов, Абдуллаев 1983: табл. XVII, 2). На поверхности могилы бешкентской культуры обозначены выкладкой из камней, являющихся верхней частью заполнения входной ямы. Так в большинстве случаев обозначены в Раннем Тулхаре и могилы других типов, в том числе и катакомбы вахшской культуры (рис. 3, 10). И для ям со спуском, и для катакомб обязательным и стандартным, хотя и разнотипным,

является проявление культа огня.

Так же, как и в Раннем Тулхаре, обозначены на поверхности могилы в Гиссарской долине: ямы и ямы с неглубоким подбоем в Тандырйуле, катакомбы в Кумсае (рис. 3, 7).

В Раннем Тулхаре также имеются захоронения в ямах, перекрытых снаружи каменной оградой. Захоронения в оградах под каменной насыпью, иногда спаренные, на поверхности древнего горизонта, наиболее характерны для близко расположенного могильника Ранний Арук-тау. Здесь зафиксировано и захоронение в яме под каменным курганом. Бешкент I — типичный могильник вахшской культуры, в Бешкент II вскрыты захоронения в каменных ящиках, сложенных из крупных плоских каменных плит. Эти сооружения, как и спаренные ограды, являются наиболее чистыми признаками андроновской погребальной обрядности.

Для всех рассмотренных типов могил характерна ингумация. Особым её проявлением является захоронение костей расчленённого скелета в миниатюрных каменных ящичках в могильнике Ранний Тулхар (рис. 3, 11). Ящики имеют каменное дно, а сверху были перекрыты камышом, т.е. кости полностью лишены соприкосновения с землёй, что уже имеет прямое соответствие с зороастрийским погребальным обрядом. В одном случае в миниатюрной ограде из удлинённых камней захоронен только череп женщины.

В том же Раннем Тулхаре есть и могилы, где захоронение совершено по обряду кремации (рис. 3, 9), что характерно для некоторых степных племён, в особенности федоровских. Особенностью бешкентских погребений этого типа являются каменные выкладки в виде свастики или разделённого на секторы кольца на дне могильной ямы.

Наконец, в могильниках, примыкающих к рассмотренным выше предгорным поселениям, фиксируется ещё один погребальный обряд, сущность которого пока ещё не ясна: целые большие могильники состоят, за единичными исключениями, только из кенотафов. Такой обряд характерен для некрополя Кангурттута, для Нурекских могильников, один такой кенотаф вскрыт и возле Тегузака. Верхние части нурекских погребальных сооружений не сохранились, но на дне могильных ям обнаруживаются аккуратно поставленные сосуды, но без костяков (рис. 3, 12). Кангурттутский комплекс (Vinogradova 1996) состоит из катакомб и ям, никак не выраженных на поверхности и не имеющих каменного заклада, в каждой могиле содержится богатый погребальный инвентарь. Тегузакский кенотаф является катакомбой с плотно забитым камнями дромосом и обозначен на поверхности большой земляной насыпью без камней (Пьянкова 1993: 232–237).

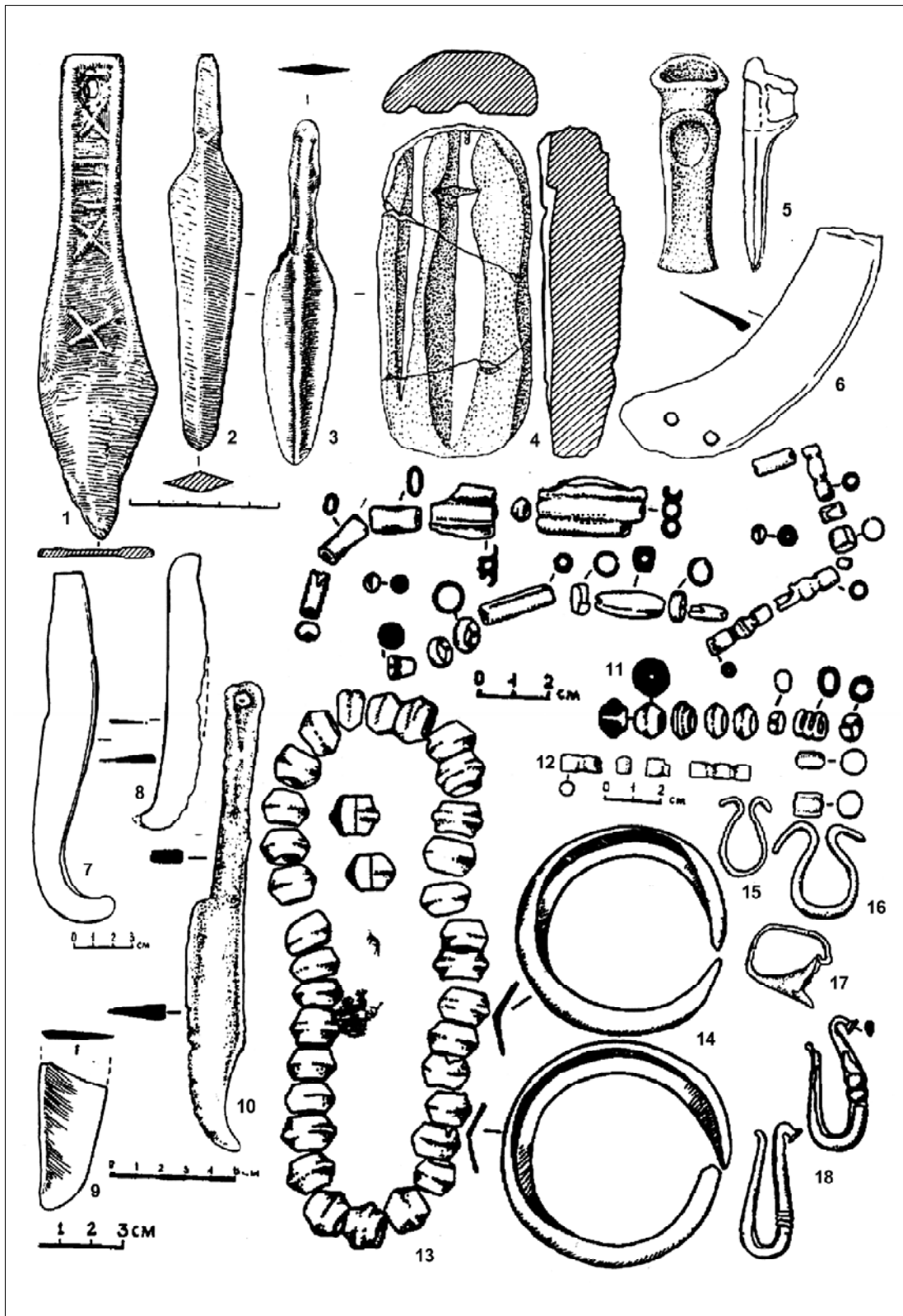

Рис. 5. Бронзовые предметы: 1, 2 — Ранний Тулхар, 3, 4, 6–8 — Кангурттут; 5 — Каримберды; 9 — Нурек-ский могильник; 10 — Бешкент II; 11, 13, 14, 16, 18 — Кумсай; 12, 15, 17 — Тандырыул.

Как в данном случае поступали с умершими? Сжигали где-то на стороне, а кенотаф сооружали для души покойника, без перемещения останков кремации в могилу? Сложные обряды, связанные с сожжением трупов, прослежены недавно в могильнике Бустон VI культуры Сапалли (Аванесова 1995), который по времени синхронен Кангурттуту и Нурекским комплексам. Однако пока никаких свидетельств кремации для последних не обнаружено, к тому же они расположены на крутых склонах. На территории Нурекских могильников и Кангурттутского некрополя при достаточно масштабных работах не обнаружено и никаких тризн или других культовых

церемоний. В этом случае нельзя полностью исключить и гипотезу о какой-то связи южнотаджикских ритуалов с обрядом «выставления трупов». Также можно заметить, что и в могильниках вахшской культуры кенотафы составляют свыше 30 % всех погребальных сооружений.

Чрезвычайное разнообразие погребальных сооружений и погребальных обрядов в зоне активных контактов земледельческих и степных племён наиболее наглядно свидетельствует о сложности проходивших здесь этнокультурных процессов, ассимиляции различных культурно-хозяйственных типов, изменениях в материальной и духовной сферах жизни.

3. Материальная культура

В керамическом производстве памятников эпохи бронзы на территории Юго-Западного Таджикистана в целом преобладает керамическая традиция оседлоземледельческих центров древней Бактрии, однако, в новых условиях она видоизменяется, и значительное развитие получает ручной способ изготовления сосудов. Это особенно характерно для скотоводческих культур — вахшской и бешкентской, где лепная керамика составляет до 70 % всей посуды, при этом во многих случаях лепные экземпляры по форме и даже размерам копируют свои гончарные образцы. Особенно наглядно это прослеживается в комплексах вахшской культуры в отношении некоторых специфических форм, гончарные эталоны которых имеют распространение на памятниках эпохи бронзы Южной Бактрии (Пьянкова 1989: 57–77). По-видимому, скотоводы получали гончарную керамику из оседлоземледельческих центров, а лепную изготавливали на месте по её образцам. На поселении вахшской культуры Ташгузор вся керамика лепная.

На предгорных поселениях Кангурттут и Дахана гончарная керамика значительно преобладает (лепная составляет по 10–13% общего количества фрагментов). Здесь открыты и гончарные печи. В Тегузаке, напротив, лепные сосуды составляют более половины керамической коллекции. В некоторых могильниках Гиссарской долины (Тандырайул, Нурекские могильники, некрополь Кангурттута) лепная керамика редка, а в Кумсае половину коллекции составляют гончарные сосуды времени Молали и половину — сосуды степной бронзы.

В рамках статьи нет возможности для характеристики всего разнообразия керамических комплексов рассматриваемого региона, можно лишь заметить, что формы гончарной посуды в Гиссарской и Бешкентской долинах, а также в северо-восточных предгорьях свидетельствуют о большем влиянии северобактрийских оседлоземледельческих центров культуры Сапалли, а керамика вахшской культуры наиболее сопоставима с комплексами Южной Бактрии.

Керамика степной бронзы, помимо стоянки на Вахше и случайных находок, в наибольшем количестве представлена в уже упомянутом могильнике Кумсай и на поселениях Кангурттут и Тегузак. В могильниках вахшской культуры единичные сосуды имеют на шейке очень скудную орнаментацию или налепной валик. На поселении Ташгузор налепные валики на горле характерны для крупных хумов и хумча. Кроме того, на всех поселениях, кроме Даханы, представлены лепные котлы без выделенного горла с налепными валиками в верхней части тулова.

Орнаментированная степная керамика памятников Юго-Западного Таджикистана украшена преимущественно оттисками гребенчатого штампа, но также встречаются и гладкий штамп, и резные линии. Основными элементами декора являются горизонтальный зигзаг, горизонтальная и вертикальная ёлочка, углы, горизонтальные полосы, пучки наклонных линий (иногда с «росточками»), равнобедренные и косоугольные треугольники (последние сильно вытянуты, иногда из треугольников образованы сложные композиции), часты оттиски «уголков», в могильниках Гиссарской долины найдены сосуды с каннелюрами. (рис. 4, 1–4, 6–20; см. также Литвинский, Соловьев 1972: рис. 19, 20; Виноградова, Кузьмина 1986: рис. 10; Vinogradova 1994: fig. 5).

Котлы с налепными валиками (иногда такие сосуды имеют носик) появляются в Тегузаке и Кангурттуте в поздний период их существования и продолжают бытовать на более позднем поселении Каримберды. В Ташгузоре фрагмент такого сосуда (рис. 4, 21) найден в верхнем горизонте, вместе с керамикой времени Яз II. Валики на сосудах памятников эпохи бронзы Юго-Западного Таджикистана либо гладкие, либо украшены насечками или пальцевыми вдавлениями (рис. 4, 22–24, 26, 27).

Описание многочисленных аналогий для вышерассмотренной керамики заняло бы слишком много места. В целом можно сказать, что она наиболее сопоставима с теми комплексами

ми, которые в степях предшествуют появлению валиковой керамики, и последняя, в свою очередь, также представлена на памятниках Юго-Западного Таджикистана. Среди орнаментированных сосудов отчётливо прослеживается влияние Федоровской керамической традиции, что в своё время было отмечено и для стоянки степной бронзы на Вахше (Литвинский, Соловьев 1972). Е.Е. Кузьмина относит южнотаджикистанскую орнаментированную керамику к выделяемому ею позднефедоровскому типу андроновской культурной общности, датируемому XIII–XII в.в. до н.э. (Виноградова, Кузьмина 1986: 147; Кузьмина 1994: 116). Среди форм орнаментированных сосудов преобладают типичные для федоровских комплексов горшки с округлыми плечиками и узким дном, вытянутым в виде поддона. В тегузакском кострище также были найдены два крупных лепных серо-глиняных сосуда без орнамента, но с плечевым уступом (рис. 4, 5), что свидетельствует о влиянии алакульской традиции андроновского гончарства, а некоторые формы с коротким горлом и раздутым туловом (рис. 4, 19) могут быть сопоставлены и с керамикой тазабагъябской культуры. Керамика с валиками из рассматриваемых нами комплексов ни по форме, ни по характеру теста ничем не отличается от найденных вместе с ней сосудов аналогичных типов, но без валика. Е.Е. Кузьмина (Кузьмина 1994: 124) рассматривает появление декора в виде налепного валика на широкой территории в XII (XIII?) в.в. до н.э. как определённую моду, но при сохранении локальных особенностей и технологии изготовления сосудов.

Таким образом, комплексы с керамикой, выполненной в традициях степной бронзы на юго-западе Таджикистана, при её сопоставлении с данными хронологической шкалы степных культур, датируются в пределах XIII–IX в.в. до н.э. Мы привели здесь точку зрения Е.Е. Кузьминой, придерживающейся мнения о параллельном развитии алакульской и федоровской традиций. Другие исследователи считают их последовательными, но и в этом случае (Зданович 1988: табл. 9; Аванесова 1991: рис. XVII) абсолютные даты для южнотаджикистанских материалов будут соответствовать тем же хронологическим пределам.

Аналогичными рамками датируются и найденные на памятниках рассматриваемого нами региона металлические изделия (рис. 5). Особо следует отметить близость украшений из могильника Кумсай и одного из погребений могильника Тандырайул (рис. 5, 11–18) с аналогичными изделиями комплекса Дашти-Козы в верховьях Зеравшана (Исаков, Потемкина 1989).

Основные территориальные аналогии как для керамики, так и для бронзовых предметов степных типов, найденных на юге Таджикистана, охватывают широкий ареал, включающий Казахстан, Приаралье, долину Зеравшана.

Среди каменных изделий также представлены предметы, бытующие как у оседлых земледельцев, так и у носителей степных культур. Большой интерес представляет использование в эпоху бронзы каменных орудий, выполненных в технике гиссарского неолита. Среди них — скребки, скобели, тёрочки. В Ташгузоре собрана большая коллекция скребел, выполненных на первичном отщепе удлинённой формы, с обработанной затупленными сколами верхней частью, острой нижней и выемками на узких концах. Такие скребла также широко известны в Шортугае (Francfort 1989: pl. 67, 5–18, 68, 1–15), одно такое орудие опубликовано в материалах могильника Ранний Тулхар (Мандельштам 1968: табл. IX, 9).

Хронологические рамки комплексов эпохи бронзы на юго-западе Таджикистана, определённые по аналогиям со степными культурами, в целом совпадают с датами, предлагаемыми в настоящее время и для тех периодов оседло-земледельческих памятников Бактрии, материалы которых представлены в рассматриваемом нами регионе. Исключение составляет Шортугай, в постхарапской фазе которого находят параллели многие формы сосудов вахшской культуры (P'jankova 1994: fig. 9). В настоящее время это поселение датируется (по радиокарбону) 2200–1700 гг. до н.э. (Francfort 1989: 241). В более ранних работах А.-П. Франкфора, посвященных Шортугаю, хронология постхарапской фазы несколько раз менялась, и она датировалась второй четвертью II тыс. до н.э. или 1800–1600 гг., а конец поселения — 1600 или 1300 гг. до н.э.

Ещё большие проблемы хронологии вахшской культуры возникли в связи с открытием поселения Ташгузор, где слой с лепной керамикой вахшской культуры перекрыт отложениями с гончарной керамикой времени Яз II, которая составляет здесь чуть менее половины всех фрагментов, а преобладает лепная посуда, наиболее сопоставимая с керамикой комплексов Кызыл I и II. Некоторые из этих форм в небольшом количестве встречаются и в нижнем горизонте вместе с керамикой вахшской культуры, которая, в свою очередь, частично сохраняется и в верхнем горизонте.

Комплексы типа Яз II сейчас датируются преимущественно VII–VI вв. до н.э., хотя для некоторых памятников принята более дробная периодизация. Датировка вахшской культуры, привязанная к среднеазиатской хронологической шкале, до сих пор определялась в пределах последней четверти II тыс. до н.э. Значительное омоложение этой культуры вызвало бы хронологические несоответствия с комплексами эпохи бронзы, и ещё большая, чем в настоящее время, лагуна возникла бы между датами вахшской культуры и постхарапской фазы Шортугая. Также пока нет и достаточных оснований для удлинения почти вдвое времени су-

ществования вахшской культуры.

Если считать, что цилиндрикоконическая керамика типа Яз II появилась одновременно в разных комплексах юга Средней Азии, то вахшская культура (пусть даже на её позднем этапе) представляет собой ещё один локальный вариант комплексов времени Яз I.

В традиционной среднеазиатской хронологической шкале период Яз I чаще всего датируется X–VIII (или IX–VIII) вв. до н.э. Ещё в 1984 г. Ф. Кол отнёс начало этого периода к XV в. до н.э., и его точка зрения поддерживается рядом европейских и американских учёных. Более осторожно по этому поводу высказывается А.-П. Франкфор (Francfort 1989: 242), предлагая в качестве возможных дат появления комплексов времени Яз I 1400–1200 гг. до н.э. Для самого Яз I сейчас получена и радиоуглеродная дата 1512–1309 гг. до н.э. (Hiebert 1993: fig. 3).

Представляется, что возникла необходимость сближения традиционной и новой точек зрения на хронологию комплексов времени Яз I (и соответственно Яз II и III). Суть имеющей сейчас место хронологической дискуссии об абсолютных датах памятников эпохи бронзы Маргианы и Бактрии заключается преимущественно в том, какая из двух эпох — бактрийско-маргианский археологический комплекс или Яз I–III — была более продолжительной. В настоящее время среди исследователей нет больших разногласий относительно начальной даты бак-

трийско-маргианского комплекса (это конец III — начало II тыс. до н.э.), однако, продолжительность всех фаз его существования рассматривается затем разными авторами в рамках более длинной или более короткой хронологии. В свою очередь конечной датой комплексов типа Яз III считается IV в. до н.э. — время Греческого завоевания Средней Азии, когда керамическая традиция претерпевает здесь существенные изменения. Конечно, изменение хронологии не должно являться простым математическим делением этих полутора тысячелетий пополам. Необходима корреляция с датами культур сопредельных территорий, например, что касается степных компонентов, то в первую очередь — с валиковой керамикой, которая найдена и на памятниках вахшской культуры, и в некоторых комплексах времени Яз I. Что касается металлических изделий, характерных для памятников времени Яз I и II, то хронологические рамки бытования большинства из них не противоречат некоторому удревнению этих комплексов. Более того, отдельные бронзовые предметы, например, серпы, обычно датируемые XII–VIII вв. до н.э., на памятниках юга Средней Азии, соответственно стратиграфии, часто оказываются в слоях, отнесённых к VII–VI вв. до н.э. Некоторое удревнение хронологии комплексов времени Яз I и II также приблизило бы к общепринятой и дату появления железных изделий в Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. 1991. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан.
- Аванесова Н.А. 1995. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // Российские вести. 4: 63–70.
- Антонова Е.В., Н.М. Виноградова. 1979. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане. XIV. Душанбе: Дониш. 93–109.
- Аскарлов А.А. 1987. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата: Наука. 57–58.
- Аскарлов А.А., Б.Н. Абдуллаев. 1983. Джаркутан. Ташкент: Фан.
- Виноградова Н.М., Е.Е. Кузьмина. 1986. Контакты степных и земледельческих племён Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Москва: Наука. 126–151.
- Гафаров Ш.Г., Ю.Т. Рахманов. 1968. Овцы и козы. Летнее содержание. Зимнее содержание // Атлас Таджикской ССР. Душанбе; Москва: Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. 161.
- Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: издательство Уральского университета.
- Зеймаль Т.И. 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ленинград.
- Исаков А.И., Т.М.Потемкина. 1989. Могильник племён эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1: 145–169.
- Итина М.А. 1977. История степных племён Южного Приаралья. Москва: Наука.
- Коробкова Г.Ф. 1973. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент: Фан. 207–210.
- Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Ленинград: Наука.
- Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? Москва.
- Кузьмина Е.Е., В.А. Лившиц. 1987. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш. 243–250.
- Литвинский Б.А. 1964. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов // Индия в древности. Москва: Наука.
- Литвинский Б.А., Т.И.Зеймаль, И.Н.Медведская. 1977. Отчёт о работах Южно-Таджикостанской археологической экспедиции в 1973 г. // Археологические работы в Таджикистане. XIII. Душанбе: Дониш. 65–103.
- Литвинский Б.А., В.С.Соловьев. 1972. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии. 1. Ленинград: Наука. 41–47.
- Мандельштам А.М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА СССР. № 145. Ленинград: Наука.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука.
- Пьянкова Л.Т. 1982. Древние скотоводы Бактрии // Куль-

- тура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе: Дониш. 41–64.
- Пьянкова Л.Т. 1989. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе: Дониш.
- Пьянкова Л.Т. 1993. Отчёт о работах Вахшского археологического отряда в 1984 г. // Археологические работы в Таджикистане. XXIV. Душанбе: Дониш. 227–241.
- Ранов В.А. 1962. Истоки, внешние влияния и внутреннее развитие гиссарской культуры // Древнейшие культуры Бактрии. Тезисы первого советско-французского симпозиума «Археология древнейшей Бактрии». Душанбе: Дониш. 19–21.
- Ранов В.А. 1985. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука. 10–35.
- Ранов В.А. 1988. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Новосибирск.
- Francfort H.-P. 1989. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris: Diffusion de Bocard.
- Gentelle P. 1978. Etude géographique de la plaine d'Aï Khanoum et de son irrigation depuis les temps antiques. Paris: CNRS
- Hiebert F. 1993. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates // Information Bulletin of International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. N 19. Moscow: Nauka. 136–148
- Kohl Ph. L. 1984. Central Asia Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations
- P'yankova L. 1994. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity 68, 259: 355–372
- Vinogradova N.M. 1994. The Farming Settlement of Kangurttut (South Tadjikistan) in the Late Bronze Age // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 27: 29–47.
- Vinogradova N.M. 1996. Kangurttut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan // Information Bulletin of International Association for the Study of the Central Asia. 20. Moscow: 171–194